

Лукьянов Г.

Моск. консерватория - 1991 - 2 ноября

ДЖАЗОВЫЙ ДИССИДЕНТ

Трубоч и композитор Герман ЛУКЬЯНОВ:
«Раньше мы жили, как сытые бараны»

это я написал назло комиссии. Пришлось использовать знакомство мамы с Шостаковичем. Я захватил несколько своих этюдов для показа, и мы поехали к нему. В полутемной комнате я сыграл даже почти без волнения. И удался. Шостакович сказал: «Хорошо играет на роле». Мама моя — пианистка, ей это приятно было услышать. Вероятно, Шостакович повлиял на Свешникова. Мне разрешили пересдать экзамен. Я написал какую-то сладкую элегию для виолончели. Она произвела на комиссию хорошее впечатление: «Вы же можете...». И потом уже никаких следов творческих дерзаний на моих консерваторских партитурах не было.

но, Вано Авелиани — перкашн, это ручные барабаны, и я на трубе и альтгорне. Пока мы успели выступить только в Петербурге с двумя концертами. Затем предстоит выступление на одном очень представительном международном концерте — 27—28 ноября. В Москве ожидается выступление ансамбля из Японии, двух ансамблей из Канады, в один ансамбль

войдут советские и американские музыканты.

— Я слышала: Лукьянов изобретает, усовершенствует инструменты. Гляжу на ваши руки — не только музыканта, но и мастера.

— Есть такой грех. Сегодня, кстати, занимаюсь всяким пилением. Но флейты я делать не берусь. Вместе с мастером мы все это обдумываем, конструируем. У меня есть изобретения и на трубе, и на альтгорне. Сейчас я сделал новую ударную установку — по новому принципу. Оправдает ли она себя или нет, покажет будущее. Найдутся ортодоксальные ревнители жанра и скажут: «Нечего велосипеды изобретать!».

— Я представляю — у вас дома множество инструментов, на которых вы, может быть, даже не играете, а из простого любопытства к ним коллекционируете...

— Я шучу иногда: какой же музыкант не любит свой инструмент? И показываю пассатижи, отвертки и так далее. Конечно, есть у меня и музыкальные инструменты. Один барабан привезли мне друзья из Уганды. Он весь обтянут кожей, в форме какого-то вулкана. Несколько барабанов мне удалось купить в Москве. Один я сделал по подобию африканского.

— Сам сделал?

— Ну как сам? По моему чертежу сделал токарь.

— У вашей трубы, говорят знатоки, серебряный звук. Нет ли вашего творческого вмешательства в ее устройство?

— С мундштуками я что-то там мудрил... Есть некоторая мягкость в звуке...

— Вы сын литератора Музы Павловой. Ваш отчим — Владимир Бурич — мастер верлибра. В хорошей книге — антологии русского верлибра «Время икс», составленной Кареном Джангировым, я встретила несколько стихотворений Германа Лукьянова. Природа щедра?

— Все это просто интересно попробовать. Я и несколько рисунков сделал. Есть профессия — артист. Если есть образное мышление, понимание организации пространства, ритма, тогда, наверное, можно и лепить, и рисовать...

— Удастся ли вам посмотреть на свое поэтическое творчество со стороны, соотнести свое представление о поэзии с тем, что выходит из-под вашего пера? Снисходительно или всерьез вы воспринимаете свои стихи?

— Снисходительно не отношусь. Стараюсь представить, что это серьезно и значительно. Моя двоюродная сестра пошутит: «Все Лукьяновы с манией величия». Так оно и есть.

Стихи свои я никому не отдавал печатать — мне хватало музыки. Жил я как музыкант, честный и добросовестный. Но

однажды услышал: готовится фестиваль свободного стиха в Калуге, взял и написал туда — мне сказали: приезжайте. Сел в автобус. В этом автобусе оказался и Бурич, и Куприянов...

— И, конечно, случайно... Как рояль в кустах. Бурич и Куприянов — давние друзья и единомышленники — верлибристы... В антологии я обратила внимание на ваше стихотворение:

Красавица.

Как ты дивно стареешь

У меня на руках?

Оно о жене? Вы однолюб?

— Я женился один раз и до этого не делал никаких иных попыток жениться. Искал долго — нашел в подземелье, в метро.

— Герман, многие наши музыканты уехали за границу. Пишут вам оттуда, что живут неплохо?

— Вы знаете, по-разному... Один плохо живет — он музыкой не занимается. Другой занимается музыкой и тоже говорит, что преуспевает. А я не могу в это поверить.

— Почему? Иным удалось даже разбогатеть. Другой вопрос — чувствуют ли они себя там вполне комфортно?

— Не получается. Даже по их рассказу. По московским масштабам, действительно, у них, наверное, все есть. Но ведь живут они ниже среднего по американским меркам.

— Но ведь вы могли бы там жить безбедно.

— Я в этом не уверен. Безбедно для меня — это заниматься творчеством, быть уверенным, что я не потеряю время, чтобы искать свое место в чужом обществе. Потом... очень страшно представить, что ты не можешь даже пошутить на языке, на котором разговаривают твои соседи. Это очень страшно. Сегодня я шел с собакой, и навстречу мне попался мужик. И говорит: «О, смотри — теперь ошейник ты на себя повесил?» — «Да, говорю, она меня выгуливает». Я представляю такое общение в Америке: мои бедные приятели, даже если поняли прохаживающегося остролова, то ответить не могут: они знают простейшие фразы...

— Да, чувствовать себя глухонемым невыносимо...

— Это настолько страшно, что я не знаю: какими деньгами, каким состоянием компенсировать это счастье понимать и быть понятым?

— Я слышала, что вы сейчас, можно сказать, безработный...

— Сейчас работа уже появилась. Я буду дирижером джаз-оркестра.

— Он уже существует?

— Создается. Вячеслав Кадерский и я подбираем артистов. По замыслу он должен быть очень хорошим. Но я действительно был безработным. И какими только заработками я не поддерживал свое существование! Играл, например, в ресторане. Через это проходят многие музыканты. Когда мы принимали от публики какие-то заплевающие пятёрки и десятки, я, конечно, испытывал неловкость. Но профессия атрофирует подобные чувства. Надеюсь, мне больше не придется играть для ресторанной публики. Хотя общество отвернулось от джазового искусства, может быть, из-за нехватки денег, я все-таки не потерял веру в перестройку: это все-таки такое благо, что оно перекрывает все минусы и нехватки всяческих товаров и продовольствия. Если раньше мы жили, как сытые бараны, то теперь — как голодные люди. Но мы теперь глядим без стыда на иностранцев. Раньше мы как-то жалелись. Мы можем появиться в другой стране и без смущения сказать, что мы приехали из России.

Вела беседу
Наталья ДАРДЫКИНА.

БЫЛО горько услышать от влиятельного лица: «Ну кто знает вашего Лукьянова? Может, человек сто».

Наверное, он прав: наш отечественный джаз — некое искусство для искусства. Блестящие музыканты вынуждены порой перебиваться с хлеба на воду. Что им помогает выжить?

— Наша преданность джазу сродни религиозному чувству. Страдали ли мы? Вероятно, страдали. Но о себе я не могу сказать, что прожил неудачную жизнь...

— Ну так уж и прожили — вам всего 55, и вы так молодо выглядите.

— Наша память уж так устроена — помнятся радостные картины, а неприятные забываются. Конечно, были драмы, обиды, чувство несправедливости.

— Герман, мне хочется поговорить с вами не вообще о джазе, не о жизни нашей горемычной — от этого люди устают. Если позволите — о вас. В одно время по Москве пронесся слух, что знаменитый Диззи Гиллеспи приезжал в Москву ради вас. Что здесь от истины, а что приятный фольклор?

— Откровенный бред. Наверное, никаких намерений у Гиллеспи не было. Может быть, он и слышал обо мне — мы встречались с ним в Голландии в 84-м году. Встреча была мимолетной — в вестибюле отеля, в котором остановились мы и его группа. Это был фестиваль Северного моря, самый шикарный джазовый в Европе. Было столько звезд! Семь залов работали параллельно. Начинались концерты в шесть вечера, а заканчивались в четыре утра. Публика платила по-тамашнему небольшие деньги — долларов тридцать, получала светящуюся печать на руку...

— Господи, совсем как у нас в очередах...

— Правда, покрасивее. Можно было уходить и, посидев в кафе или дома, просунуть свою руку в особый ящик — и на руке захватывалась печать «Нордфестиваль». Вы могли попасть за один час на несколько концертов в разных залах.

— А вы ездили с «Кадансом»?

— Да, мы выступали с нашим джаз-ансамблем. Удивительно, но наш зал был полон, а в это время на других сценах звучали именитые американские артисты. Но кто-то все-таки предпочел наше выступление... Мы даже на бис играли.

— Вам интересно было услышать игру стареющего Гиллеспи?

— Я его не слышал. Но когда семидесятилетний мэтр выезжал из отеля, мы несколькими фразами перемолвились. Он помнил наших музыкантов-иммигрантов в Нью-Йорке. И называл их имена. Меня это удивило и порадовало. Гиллеспи — настоящий джазовый деятель. Ему интересно движение этого искусства во всем мире. На меня это произвело неизгладимое впечатление. Наверное, и ему в заснеженной России любопытно было услышать музыкантов, играющих джаз.

— А что-нибудь он сказал о звуке вашей трубы?

— Ничего. Он вообще был немногословен. Но очень живо отреагировал на нашу музыку. Фотографировался со мной. Протянул цветы, которые ему подарили московские поклонники — поделился великодушью. Незабываемая встреча.

Герман Лукьянов учился в Ленинградской консерватории у Вадима Салманова. Получить джазовое образование у нас было невозможно — джаз всегда существовал на задворках: вроде есть, а вроде бы и нет. Судьба джазового музыканта в нашем просвещенном отечестве всегда на капризной волне — то вознесет, то сбросит. Уже студенческие годы принесли молодому музыканту сюр-